

Неизданный Пушкин

Известия-1997-22 ноябрь

Художник Павел Бунин всю жизнь рисует Пушкина, но издать альбом с этими работами не может

В Российской библиотеке искусств в Москве развернута удивительная экспозиция: три английских классика — Шекспир, Киплинг и Оскар Уайльд — встретились на ней по воле русского художника Павла Бунина. В жизни Бунина, отмечающего в эти дни свое семидесятилетие, это 53-я выставка. Три десятка из них прошли за пределами Родины, но это не вина его, а беда, слишком трудными оказались для него семидесятые годы...

Думая о Павле Бунине, который, кажется, знает все обо всем, может часами цитировать десятки живших до него умных людей, проиллюстрировал горы прочитанных им книг, невольно вспоминаешь, что же сказано о нем самом — художнике, поэте, переводчике, историке, фанатичном книголюбе. Корней Чуковский (о ненасытной жажде чтения): «Вы ведете себя как заправский пьяница». Павел Антокольский (о героях его иллюстраций): «...санкюлоты и фламандские гёзы, пугачевцы и декабристы, солдаты Суворова и солдаты первой мировой войны угаданы в

неповторимых ракурсах и позах».

Полсотни книг с рисунками Бунина, в том числе немедленно ставшие раритетами книги Омара Хайяма, Данте, де Костера, Сервантеса, Мольера, Дидро, Шевченко, Дюма, Гете, Лермонтова... Дайте перевести дух... Но самая его пламенная любовь — Пушкин. Он разговаривает с Пушкиным с девяти лет, когда впервые придумал рисунки к «Руслану и Людмиле». Бунин иллюстрировал у Пушкина все. Даже отдельные стихотворения. Даже отдельные строки.

Не случайно знаменитые пушкинисты Т.Цвяловская и Д.Благой, ве-

ликие художники С.Коненков и О.Верейский, почтенные искусствоведы М.Аппатов и И.Бэлза не раз писали о тысячах пушкинских рисунков Бунина и просили собрать их в один классический пушкинский альбом, «тем более... что не за горами 175-летие со дня рождения великого поэта». Уже и 200-летний юбилей поэта не за горами, а альбома такого все нет. Но есть, слава Богу, Бунин, и, значит, работа продолжается.

— Итак, Павел Львович, юбилей?

— Увы. Жизнь пролетела. Где? Как? Из них 27 лет в четырехметровой комнате, молодых 27 лет.

Когда на моих руках были бес-

помощные близкие, и — такая странность — все хотели есть. А меня уж и из института выгнали, судя по отметкам, — за бездарность. Из дома уносили последние книги, последние вещи. Срезали электричество. Хлеб купить иногда было не на что, не то что краски (мне, кстати, и сейчас их купить частенько не на что). Помогали Корней Иванович Чуковский, оставшиеся друзья.

Потом на ступенях Акрополя, перед башнями Нотр-Дам, в музеях Вены и Лондона пришло ко мне второе дыхание. Тридцать выставок — Вена, Базель, Берлин, Париж... В дюжине стран убедился я, что не так уж бездарен и что, быть может,

это выяснится и в стране, где я родился и где спят мои близкие.

— И вы вернулись, вас признали, вы известны...

— Как сказать. Уже по возвращении были мои пушкинские выставки, в том числе на Мойке, 12, в Петербурге. У меня сорок папок, целая пушкинская энциклопедия на кухне, в коридоре, на шкафах. Добавить к ним сорок первую? К кому обратиться? К планетам? Про себя повторяю Талейрана: «Последние сорок лет исчерпали мое терпение».

— Но вы сами не раз говорили, что полны планов.

— Ноу проблем, как принято отвечать. Друзья, книги, привыч-

ные места... Хотя семьдесят лет не для больших планов. И все-таки ужасно хочу дожидаться пушкинского альбома. И благодарю «Известия», вы ведь тоже публиковали моего Пушкина...

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».